

СКОРБИМ И ПОМНИМ | Исполнилось сорок дней, как нет с нами замечательного человека и писателя

ВАЛЕНТИН СОРОКИН,
член Союза писателей России

В начале пятидесятых годов в нашем уральском краю писательская жизнь шла на хорошей волне: в Челябинске — Людмила Татьяничева, Николай Глебов, в Свердловске — Павел Бажов, Ольга Маркова, Виктор Стариков, в Перми — Василий Каменский. В столице нашу землю достойно представляли Степан Щипачёв, Сергей Васильев, Михаил Львов. Чуть позже не только у нас, но и в Москве заговорили о Викторе Астафьеве, Николае Воронове, Станиславе Мелешине.

Коренной уралец

С возникновением в Свердловске журналов «Урал» и «Уральский следопыт» взшло, крупно утвердилось имя прозаика Ивана Акулова. Челябинский же альманах «Южный Урал» не читался и не покупался, его отменила «Уральская новь». Неожиданно-негаданно этот альманах стал «модным», стал быстро расходиться. Новое название, новая обложка, новый формат освежительно сказались. Но куда освещительней сказался приток писательских дарований. То их вещи блокировала кучка «самиздатовцев», прибравших к рукам и местное отделение Союза писателей, а то вдруг был дан освободительный ход каскаду неизвестных поэтов и прозаиков.

Авторское освобождение мог обеспечить лишь решительный человек, сам испытавший местную блокаду, местную железобетонность. Таким человеком оказался Николай Воронов (на фото), недавний выпускник знаменитого Литературного института, принятый в Союз писателей после издания в Свердловске сборника рассказов «Весенней порой».

Николай Воронов — магнитогорец. Коренной уралец. Из настоящей трудовой семьи. Рано хлебнул лиха. Рано понял как справедливость, так и вероломство бытия. Рано взвалил на себя заботу о хлебе и доме. Устрашить нищетою его сложно, запугать работой нельзя. Первые книги Николая Воронова несли в себе правду, на которую редко кто отважился. Честная пролетарская прямота способствовала открытому отторжению «сталинонов», внедрённых сталинской идеологией в литературную практику.

В роли наставника

Я запомнил Николая Воронова в лёгкой светлой одежде: плащ, костюм, шляпа — всё светлое, доступно-недорогое, околостуденческое, чуть заливчатское, трогательно-экзотическое, подбитое ветром, если представить Николая Воронова на Урале зимой, когда лютые холода даже для населения («переднего края державы», а он в плащике,ворот рубахи распахнут, голорукый, летние туфли, где ногам выгодно в тонких носках. Трогательную эту «экзотику» мы, позднее, грустно по-

няли: выросли, опробовали на опыте лично — нелёгкие годы начальной творческой поры.

Опираясь на доброе расположение к нам, очень в те времена юным, старших товарищей-наставников — Людмилы Татьяничевой, Николая Глебова, Николая Смельянского, Якова Вохменцева, — Николай Воронов возбудил к более энергичной и жёсткой заботе о себе и о своём призвании целое поколение челябинцев, да и не только челябинцев. В Златоусте появилось имя Светланы Соложенкиной. Она печатала тонкие прозрачные стихи, никто из нас и не рисковал предугадать в ней грядущего «ядовитого» критика. В Свердловске — Семён Буньков, Владимир Турунтаев, Альберт Яковлев, в Перми — Николай Вагнер, Лев Давыдычев, Владимир Радкевич.

Ретивые критики

Николай Воронов после окончания Литературного института имени А. М. Горького возглавил в Магнитогорске известное литературное объединение, у истоков которого стояли Людмила Татьяничева и Борис Ручьев. При Николае Воронове оно отличалось гражданской наступательностью, умной независимостью и слаженностью, ныне, к сожалению, утраченной. Молодые силы не

остались в долгу перед ним, скоро зазвучали имена Юрия Петрова, Владилена Машковцева, Риммы Дышаленковой.

Впервые пришёл я к Николаю Воронову в Челябинске, принёс неуклюжие стихи. Что в них было? Честность и капля оппозиционной

гордыни, — уж мы-то, работая, знаем цену куску хлеба и цену хрущевским речам, заполонившим страницы всех газет Советского Союза, аж опубликоваться невозможно, так они часты, длинны, потопительны, знаем цену и прошлому, откуда явились искалеченными Борис Ручьев и Михаил Логарин, знаем... Потому и шёл я к Николаю Воронову с чувством готовности к ссоре, к отпору: я привык защищать себя от обвинений в «политической» безграмотности и прочей чепухе, кое-кто недавно лишь потерял возможность «уличить» меня в этом...

Встретил мой «крамольные» стихи Николай Воронов громко, уважительно, с пожеланием быть ещё решительнее и смелее. Вспоминаю факт не для себялюбства, а для благодарности.

Николай Воронов как писатель и человек никогда не отличался нормативной покладистостью, суетливой уступчивостью слова и характера. Он яро социален в слове, резко тревожен в поведении. Роман «Юность в Железнодорожье» принёс в своё время немало трудностей журналу «Новый мир», Александру Твардовскому, принёс много осложнений самому Воронову и его семье. Пришлось покинуть Калугу, куда он переехал из Магнитогорска.

Очернительство, клевету «на геро-

ические будни» рабочего класса приписывали ему неудержимо-ретивые критики. Но роман ушёл в глубину народных преодолений.

Две линии в творчестве Николая Воронова, в его слове, характере, опыте, мастерстве: суровое отношение к неправде, зверству, лизоблюдству и сердечность, порядочность, высокая разумность. Они дали возможность писателю выйти к нам с романом «Похитители солнца». Автор излил долголетнюю тоску по братству человека в человечестве, тоску по сохранению лица и ока природы, тоску по ясности и цельности наших детей и внуков, кому принадлежит завтрашний час и год.

Помню письмо ветеранов, клеймшее Николая Воронова за якобы клевету на святую молодёжь, на прославленный комсомол, отапливающий энтузиазмом целинные захолустья советской Отчизны. Подписались учёные, строители, руководители, те, кто «возводил» Магнитогорск, кого «опозорил» писатель, те, кто, не читая романа «Юность в Железнодорожье», требует его укрощения и запрета. Александр Твардовский, познавший изверства «отца народов», и то был потрясён этой подлостью и написал гневное письмо на «верх», не получившее ответа. Почему?

Сейчас видней, что роман не перечил истине о действительности, никто ныне не замечает его «клеветы» и «очернительства»... И теперь нельзя ограничиться недоумением на коллективное письмо ветеранов: оно отразило один из способов официальной управляемой клеветы на правду жизни в слове, чтобы её запрятать, распылять, похоронить.

О чём говорить? Теперь нам легко осуждать Сталина, Хрущёва, Брежнева, Андропова, Черненко. Времена свободные, безопасные или мы такие храбрые?..

У могилы Бажова

В романе Николая Воронова «Котёп» лирический герой философствует: «Что земля без людей? Так себе. Никому ненужный шар, Шар, лишённый ума. Кто бы мог понять, почему трава летом не жёлтая, а зелёная? Кто бы понял, что плакучая береза на том берегу хороша, хотя и крив её ствол, а сосна позади неё, хоть и прямая, однако ничем, кроме скуки, не отзывается в душе?»

Вот и приехал трижды Герой Советского Союза, маршал Советского Союза, командующий Уральским округом Георгий Константинович Жуков на кладбище, на могилу Павла Бажова, друга, в городе Свердловске. А зима — за сорок градусов. У могилы — семья Бажова, род-

ные, близкие, тут и писатели — Ольга Маркова, Николай Кушум, Виктор Стариков, Станислав Мелешин, Олег Коряков... Появляется Жуков. Прочный, видный, необычный какой-то необъяснимой правотой и масштабом человека.

Поздоровался. Каждого спокойно, для себя, оценил, как бы пригласил к себе, чуть потянул в душу, командирскую и надёжную. А на Николае Воронове, напоминающем телосложением Жукова, крепныша, приостановил взгляд...

Мы знали: маршал Жуков слывет среди военных отменным ценителем писательского слова, смолodu любит поэзию, стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, а некоторые стихи Сергея Есенина в минуту искренней взволнованности наизусть читает.

А здесь — могилы. Давние. Мирные. А здесь — могилы военные: раненые солдаты, офицеры, генералы умирали у нас на Урале, а кому Бог определил выздороветь — отправлялись на фронт, на фронт, на фронт!..

Георгий Константинович обтоптался. Прочный, каменно-надежный, задышал, воздух сизый колебая:

*Нивы сжаты, роицы голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.
Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечалось,
Что совсем,
совсем немного
Ждать зимы
седой осталось.
Ах, и сам я
в чаще звонкой
Увидал вчера
в тумане:
Рыжий месяц
жеребёнком
Запрягался
в наши сани.*

Тост за «орла»

Сурово поскрипывало кожаное пальто. Молчала охрана. Светились берёзы и сосны, инеем едва тронутые. Молчали мёртвые. Молчали живые. И только маршал Жуков глухо

произнёс: «Есенин у России есть, Пушкин есть!.. А покой у России нет...»

— Мы, — вспоминает Николай Воронов, — смутились, отвернулись. Нам вроде стыдно сделалось перед маршалом, стыдно и всё. Ну как ещё обозначить то ощущение, боль ту? Бессмертный маршал — в опале. И бессмертный поэт — в опале. И разве не позавидуют они рыжему жеребёнку?

Поговорили у могилы. Помолчали. Ветерок стряхивал серебряный иней с деревьев, серебряный по цвету и звону. Вдова пригласила их домой. Пришли. Повесили пальто. Сели за овальный стол. Помянули «огненным белым» Павла Петровича. Обогрелись.

Вдург из-за стола поднимается Георгий Константинович Жуков: «Хочу предложить тост вот за этого орла! — показывает кивком на Воронова, — морозщице, а он распахнутый, ядрёный, радостный, одежда летняя, садовая, во орёл! Разных видел людей, мужественных, здоровых, спортивных, героических, но таких добровольцев прогуливать по лютый зиме не видел, выпьем за него!» ☺

Полную версию мемуаров читайте на сайте magmetall.ru

ФОТО: ДМИТРИЙ КУЗНЕЦОВ

СВИДЕТЕЛИ СОВЕТСКОГО ЧУДА

Несостоявшийся роман с металлургией

АЛЁНА ЮРЬЕВА

О Магнитке писали много и многие. Первые произведения стали появляться уже во времена котлованов, когда Магнитка ещё не «вышла из земли». Уже тогда многие понимали, что являются участниками небывалого доселе эксперимента.

Неожиданный эффект

Окунаясь в новый мир стремились и представители западной интеллигенции. В 1932 году в Советский Союз приехала интернациональная бригада писателей, в составе которой были Луи Арагон, Эльза Триоле, Йозеф Ласт.

Они мечтали побывать на новостройках социалистического Урала, в том числе и в сталинской Магнитке.

Побывали. Правда, эффект получился неожиданный. Каждый увидел то, что хотел увидеть. «Стройку нельзя охватить глазом, — написал в своей «Уральской тетради» участник писательской экспедиции Луи Арагон. — Гигантский магнитогорский комбинат не поддается не только описанию, но и фотографической съёмке». Впрочем, поразила писателя не столько размах, сколько ощущение того, что прямо на глазах рождается нечто удивительное.

Но несколько книг, посвящённых Магнитке, так и не увидели свет. Одна из них «История Магнитостроя» — труд, задуманный ещё в начале 30-х Максимом Горьким и редакцией «История фабрик и заводов». Сам Горький у Магнитной горы никогда не бывал. Вместо него на крупнейшие предприятия Советского Союза отправлялись писательские бригады. И к середине 1934 года «по Магнитке» было собрано более 60 папок различных документов. В том числе воспоминания 47 «первомагнитогорцев», как называли писатели строителей города. Кстаги, к созданию «Истории Магнитостроя» по совету Горького привлекали и людей, далеких от литературы. Горький считал, что рабочие, которые сами строят заводы, сами на них работают, сами и должны писать их историю.

Позже он даже обратился к передовикам производства с призывом — идти в большую литературу. По его мнению, это было лучшим доказательством того, что в Советском Союзе уже начался процесс стирания грани между физическим и умственным трудом. Так, машинист паровоза Александр Авдеенок, благодаря Горькому, «получил путевку» в творческую жизнь и стал впоследствии известным писателем.

Весь собранный в Магнитке материал

был вывезен в Москву. Но до публикации дело так и не дошло. Началась первая волна репрессий. И лишь в начале 60-х к «Истории Магнитостроя» вернулись вновь. Дописать, то, что при Горьком не дописали, взялись два московских автора — Николай Евдокимов и Николай Воронов. На Воронова надежды возлагали немалые. Кому, как не ему, создавать историю города-завода, он ведь родился и вырос в Магнитке! Но... дело вновь застопорилось. Говорят, из-за того, что директор ММК Федосий Воронов отказался вкладывать деньги в этот проект.

От замысла к роману

В августе 1951 года в Магнитогорск приехал известный советский писатель Александр Фадеев (на фото). Он уже опубликовал знаменитую «Молотую гвардию» и теперь работал над вторым вариантом этого произведения. А попутно собирал материал для нового романа — «Чёрная металлургия».

Идею романа Фадееву подсказал один из руководителей отечественной тяжёлой промышленности — Иван Тевосян. Как и большинство его предшественников, «железных наркомов», Тевосян питал к Магнитке особые чувства. Потому и посоветовал Фадееву основные действия будущего произведения развернуть именно на магнитогорской земле. Кроме того, Фадеева увлекли споры о новом способе производства стали, они-то и легли в основу литературного конфликта.

Для того чтобы лучше понять, чем и как живет Магнитка, Фадеев поселился не в гостинице, а на квартире у ставевара Захарова, на улице Горького, 12. О том, что именно здесь жил и работал известный советский писатель, до сих пор напоминает мемориальная доска.

К сожалению, большинство книг о Магнитке так и не стали событием в литературном мире. В них были всё: рекорды, строительство доменных печей и прокатных станов, орденосы, стахановцы, партийцы, борьба с чуждыми новой власти «элементами». Не

было в них только одного — людей. Самых обычных людей, с их переживаниями, сомнениями, страстями, симпатиями. То есть с той самой частной жизнью, без которой образ любого героя становится выхолощенным, оторванным от реальности.

Фадеев, по его собственному признанию, поставил перед собой сложную задачу: на примере магнитогорцев показать процесс переплавки сырья в продукт, не только руды в сталь, а самого рядового человека — в передовика, в строителя нового общества. Но именно в Магнитке он понял, эта задача — не выполнима. Фадеев приехал в город четыре раза. Последний — в 1954 году. Как обычно, встречался с людьми, ездил на рыбалку и охоту, но ни слова не говорил о своём романе. Молчание это он объяснил тем, что его первоначальные представления о производстве сильно изменились. Отсюда и на строение — усталое, неуверенное. Но роман он всё-таки планировал когда-нибудь завершить.

По воспоминаниям очевидцев, Фадеев остро переживал неудачу «Чёрной металлургии». Вот что он говорил об этом: «Переменить позицию на производстве хоть и просто, но можно. А как быть с концепцией романа? Её не переменить, на обратные рельсы не поставишь. Роман надо заканчивать. Рухнул роман, надо его, как говорят киношники, «положить на полку».

Роман «Чёрная металлургия» так и не был закончен. 13 мая 1956 года Александр Фадеев застрелился. Предсмертное письмо писателя было опубликовано только спустя 34 года после его гибели. В нём Фадеев признаётся, что не может жить и писать так, как жил и писал раньше.

Книги, которые защитят

Среди многочисленных произведений о Магнитке есть то, которое, по словам критиков и читателей, «переживёт не одну эпоху

и останется в литературе» — это небольшой рассказ Эммануила Казакевича «Приезд отца в гости к сыну».

Казакевич приехал в Магнитку в 1958-м. К этому времени он уже был известным писателем. Его фронтные рассказы «Весна на Одер», «Звезда», «Двое в степи» — хорошо встретили не только публика, но и власти. «Приходит пора большой работы», — записал он в своём дневнике. Изучив архивы Магнитки, Эммануил Казакевич был поражен. По его словам «город возводился в темпе, ранее посильном только для разрушения».

Информации о том, как писатель жил и работал в Магнитке, почти не сохранилось. Известно только, что останавливался он по адресу: Суворова, 24. Долгое время на стене этого дома висела мемориальная доска, которая сегодня хранится в краеведческом музее.

В Магнитку Казакевич приехал не случайно. Он хотел отойти в своём творчестве от военной тематики. Или, по крайней мере, попытаться осмыслить и показать её иначе. Лучшего примера, чем Магнитка, найти было трудно: город, которому в начале войны едва исполнилось 12 лет, вступил в схватку с вековой промышленностью не только Германии, но и всей Европы! Чем не тема для нового произведения? По мнению читателей, рассказ про отца и сына и через это лет объяснит, чем тогда была Магнитка...

На могильной плите Эльзы Триоле, которая приехала в Магнитку в составе интернациональной писательской бригады, цитата из её произведения: «Мертвые беззащитны. Надеюсь, что наши книги нас защитят». Эти слова оказались пророческими. И для самой Триоле, и для Александра Фадеева, и для Эммануила Казакевича. Их книги, даже неопубликованные, показывают, как трудно уживаются в рамках одного произведения идеология и талант ☺